

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

АПРѢЛЬ.

№ 11.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

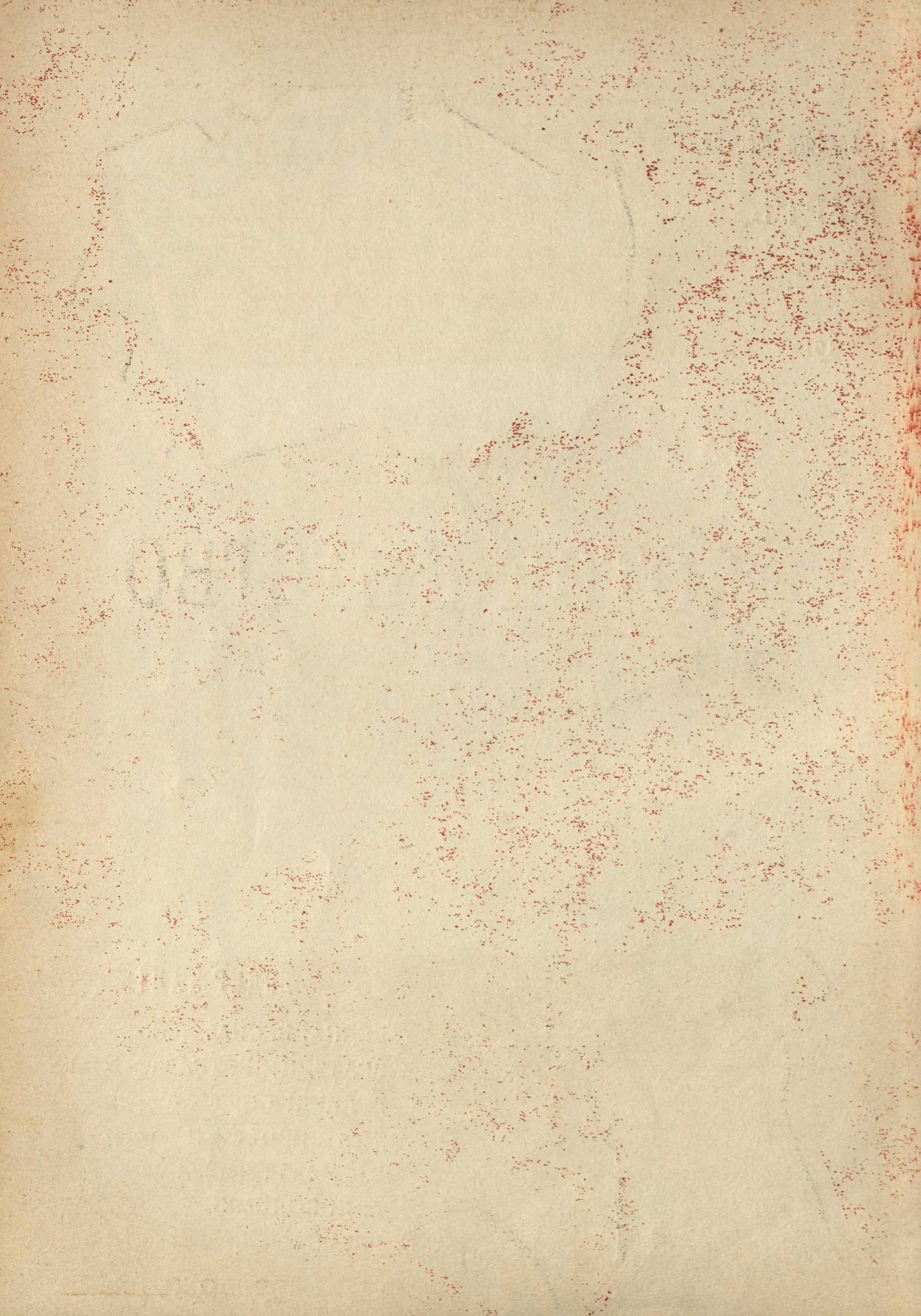
ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МАЛЕНЬКІЕ ИНЖЕНЕРЫ.
АПРѢЛЬ (стих.).
ВЪ ГЛУБИНѢ ПАРКА.
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Журнала „Золотое Дѣтство“.

Г.г. Подписчиковъ, **подписавшихся въ разсрочку**, редакція очень просить поспѣшить высылкой остальныхъ денегъ, такъ какъ доставка имъ журнала съ 1-го **Апрѣля уже будетъ прекращена.**

Книгу „**Англійскія сказки**“ получаютъ только подписчики, внесшіе подписную плату за годъ сполна.

Адресъ Редакціи: С-Петербургъ. Каменноостровскій, 26.

OTTE PUBLIKATION

1870

THE UNIVERSITY OF
MICHIGAN LIBRARY
ANN ARBOR, MICHIGAN
48106-1064

UNIVERSITY MICROFILMS
SERIALS ACQUISITION
300 N ZEEB RD
ANN ARBOR MI 48106-1500

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Редакція проситъ подписчиковъ по разсрочкѣ послѣдить
высылкой слѣдующаю съ нихъ взноса до 1-го Апрѣля, чтобы не
было перерыва въ высылкѣ имъ журнала. —

Вывалпся изъ гнѣзда.

ВЕСНА, ВЕСНА!..

Весна, весна!.. Ея дыханьемъ
Уже обласкана земля
И все полно благоуханьемъ:
И лѣсъ, и пашни, и поля.

Уже давнымъ-давно въ сквореш-
няхъ
Скворцы счастливые живутъ,
Цвѣтетъ верба и на черешняхъ
Цвѣточки скоро зацвѣтутъ.

Ждетъ ласки солнечной природа
И пробуждается отъ сна,
Въ который цѣлые полгода
Она была погружена.

Покрылся лѣсъ прозрачнымъ пу-
хомъ,
Растаялъ снѣгъ, прошла рѣка,
Вернулась жизнь къ осеннимъ му-
хамъ,

Блестятъ тенѣта паука,
На стѣнкахъ ползаютъ козявки,
Горластый грачъ кричитъ съ гнѣзда,
Въ поляхъ мычатъ уже стада
И ищутъ мягкой, свѣжей травки...

Набитъ парникъ, открыты розы
И все тепла, тепла лишь ждетъ..
О, паркъ! О, птицы! О, березы!
Весна идетъ, весна идетъ!

Кузнечикъ.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Всякій разъ какъ Султанъ Саладинъ вспоминалъ о своемъ братѣ Ассадѣ, на его глаза навертывались слезы. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ завоевалъ Иерусалимъ и объ Ассадѣ не было ни слуху, ни духу. Тогда шла война съ европейскими рыцарями, защищавшими Иерусалимъ, и въ одну темную ночь Ассадъ безъ вѣсти исчезъ. Говорили, что онъ былъ взятъ рыцарями въ плѣнъ и уве-

денъ ими къ себѣ въ Европу, ходили также слухи, что онъ измѣнилъ своему брату Саладину и передался на сторону христіанъ, но Саладинъ не вѣрилъ ни тому, ни другому, и искренно думалъ, что его любимый братъ былъ убитъ. И часто, оставаясь наединѣ со своей сестрой, Ситтой, онъ вспоминалъ съ ней о братѣ и съ глубокимъ вздохомъ повторялъ:

— О, Ассадъ! О, мой милый, воз-

любленный братъ! Если-бы только я зналъ, гдѣ ты находишься теперь!

Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ Ассадъ тайно отъ своего брата Саладина принялъ христіанство, убѣждалъ въ Европу и тамъ женился на нѣмкѣ. Отъ этого брака у него родились сынъ и дочь. Сына онъ назвалъ Конрадомъ, а дочь Рахилью. Онъ жилъ тихо и мирно въ Германіи, и принялъ тамъ фамилію Штауфенъ.

И вдругъ до него дошла вѣсть, что три европейскихъ короля соединили свои войска, чтобы идти походомъ на его брата Саладина и отнять у него Іерусалимъ. Цѣлыя арміи рыцарей, вооруженныхъ съ ногъ до головы, въ бѣлыхъ мантияхъ и съ красными крестами на плечахъ, отправились на Востокъ.

— За Святую Дѣву и за родину! кричали они.— Прогонимъ турокъ изъ Палестины и освободимъ Іерусалимъ и Гробъ Господень. Такъ Богу угодно!

И, глядя на этихъ бравыхъ рыцарей — крестоносцевъ, Ассадъ приходилъ въ трепетъ за своего брата Саладина и всѣми силами хотѣлъ ему помочь. И чѣмъ ближе подходили крестоносцы къ Іерусалиму, тѣмъ Ассадъ становился все безпокойнѣе и наконецъ сказалъ своей женѣ: —

— Собирайся въ путь! Возьмемъ Конрада и Рахиль и поѣдемъ къ брату въ Іерусалимъ! Мы стали

другой вѣры, но это не значитъ, еще, что я пересталъ быть его братомъ. Онъ одинокъ и кромѣ сестры Ситты, если она еще жива, его некому ободрить и некому подержать. Собирайся-же и поѣдемъ.

Они распродали вещи и отправились въ путь, чтобы повидаться съ Саладиномъ. Взявши съ собой одного только своего слугу Раймонда, они проѣхали Балканскій полуостровъ и Малую Азію и вступили наконецъ въ Палестину. Это было долгое и тяжкое путешествіе, но все время Ассада подкрѣпляла мысль о томъ, что скоро онъ увидитъ своего брата и покажетъ ему своихъ дѣтей. Старое будетъ забыто, Саладинъ проститъ ему то, что онъ когда-то тайно отъ него ушелъ, и они заживутъ вмѣстѣ, какъ было встарь, и не разстанутся уже больше никогда.

Когда Ассадъ подѣзжалъ съ семьей къ Іерусалиму, то въ Палестинѣ уже шелъ жаркій бой. Приѣхавшіе туда раньше его крестоносцы уже сражались съ турками, не могли ихъ одолѣть и не щадили никого, кто казался имъ по внѣшнему виду не христіаниномъ.

— Какъ-бы они не тронули и насъ...безпокоилась жена Ассада.— Пропустятъ-ли они насъ въ Іерусалимъ?..

— Ничего.. отвѣтилъ ей Ассадъ. — Я покажу имъ у себя на шеѣ крестъ, скажу имъ, что я изъ Германіи, — и они насъ пропустятъ.

Вѣдь для нихъ я не Ассадъ, а Штауфенъ. А съ турками я поговорю по турецки и скажу имъ, что я— братъ самого Султана, и они впустятъ меня съ почетомъ. Не бойся ничего. Но на всякій случай я написалъ уже по арабски записку, кто я и кто вы, и повѣсилъ ее у себя на груди вмѣстѣ съ молитвенникомъ. Если меня убьютъ, то сними съ меня молитвенникъ и покажи его моему брату Саладину. Онъ прочтетъ то, что на немъ написано, и не оставитъ тебя, Конрада и Рахиль однихъ, онъ поможетъ вамъ возвратиться въ Европу. Я хотѣлъ-бы, чтобы нашъ Конрадъ былъ рыцаремъ и не оставался-бы безъ меня въ Иерусалимѣ.

Всю дорогу съ Ассадомъ ѣхалъ какой-то молодой купецъ Гансъ Фильнекъ. Онъ везъ свои товары въ Палестину, гдѣ надѣялся ихъ выгодно продать, и возвратиться въ Европу съ деньгами. Это былъ молодой, слово-охотливый чело-вѣкъ, недавно потерявшій жену и единственнаго сына и всей душой привязавшійся къ маленькому двухлѣтнему Конраду. Онъ и Ассадъ, сдружились и уже нѣсколько мѣсяцевъ неразставались ни на шагъ. Они вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ ужинали, вмѣстѣ располагались на ночлегъ. И часто, сидя подъ темнымъ звѣзднымъ небомъ Малой Азии или Сиріи, они вели между собой разговоръ, который продолжался далеко за полночь.

— Въ случаѣ, если я умру, говорилъ Гансъ Фильнекъ, то ты, другъ Штауфенъ, позаботься о моей старушкѣ матери. Она осталась въ Германіи одна.

— А ты, другъ Гансъ, отвѣчалъ Ассадъ, позаботься о моемъ маленькомъ Конрадѣ! Дай ему образованіе и помоги ему впоследствии сдѣлаться рыцаремъ.

И они дали другъ другу слово. Верстахъ въ 60-ти отъ Иерусалима путники остановились на ночлегъ въ большомъ селеніи, на постояломъ дворѣ у одного богатаго еврея Наана. Семь сыновей этого еврея прислуживали посѣтителямъ, жена его находилась въ кухнѣ, а самъ Наанъ отпускалъ напитки и распорядился. Все шло своимъ чередомъ. Какъ вдругъ среди ночи, въ темнотѣ, послышались сотни голосовъ, бряцаніе оружіемъ и крики о помощи. Въ разныхъ концахъ селенія вспыхнулъ пожаръ. Всѣ на постояломъ дворѣ пришли въ ужасъ.

— Это крестоносцы! слышались голоса.— Это рыцари! Спасайтесь, кто можетъ!

Одни изъ посѣтителей бросились бѣжать, другіе столпились въ кучку и съ трепетомъ стали ожидать своей судьбы. Стоны, возгласы, бряцаніе оружіемъ и просьбы о помощи съ каждой минутой становились все громче и все слышнѣе. Наконецъ запылали уже и сосѣдніе дома. Затѣмъ двери распахну-

лись и въ постоялый дворъ ворвалась толпа рыцарей. На нихъ блистали ихъ металлическіе доспѣхи.

— За Святую Дѣву и Гробъ Господень! закричали они. — Это чей постоялый дворъ?

— Это мой, кратко отвѣтилъ имъ Наанъ. — Вотъ это мои гости, а это—мои семь сыновей.

— Ты какой вѣры? Перекрестись!

— Я—еврей... упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Наанъ.

Его сыновья поблѣднѣли и въ ужасѣ сплотились въ тѣсную кучку. Ихъ мать выскочила изъ кухни и бросилась къ мужу.

— А, ты жидъ? Ты врагъ христовой вѣры? закричали крестоносцы. — Смерть тебѣ и твоей семьѣ! Умрите безъ пощады!

И нѣсколько крестоносцевъ бросились на безоружную семью Наана и въ одинъ мигъ убили всѣхъ его семерыхъ сыновей и жену. Обезумѣвшій отъ страха и горя Наанъ стоялъ среди комнаты и въ удивленіи оглядывался по сторонамъ.

— За что?.. за что?.. повторялъ онъ поблѣднѣвшими губами.

— Ребята, жгите! Поджигайте его домъ! командовалъ одинъ изъ крестоносцевъ. — Смерть туркамъ и жидамъ! Смерть врагамъ вѣры Христовой!

Въ эту минуту на средину выступилъ Ассадъ

— Остановитесь! крикнулъ онъ по-нѣмецки крестоносцамъ. — Вы не смѣете обижать беззащитныхъ мирныхъ жителей! Зачѣмъ вы разоряете гнѣзда мирныхъ птицъ?

— А, и ты тоже? слышались голоса. — Ты тоже за нихъ? Значить, и ты тоже турокъ, или еврей?

И нѣсколько крестоносцевъ бросились на Асада, повалили его и изрубили мечами его и его жену. Гансъ Фильнекъ и слуга Раймондъ забились въ уголокъ и молились Богу. Одинъ только Наанъ по прежнему стоялъ посреди комнаты, удивленно оглядывался по сторонамъ и не зналъ, что дѣлать. О немъ позабыли крестоносцы.

— Поджигайте домъ еврея! слышались голоса. — Пусть онъ самъ и все его отродье сгорятъ въ огнѣ!

И толпа рыцарей хлынула изъ комнаты вонъ и скоро слышался запахъ дыма и трескъ огня. Разбуженные криками, маленькіе Конрадъ и Рахиль проснулись и съ громкимъ рыданіемъ стали ползать около своей матери.

— Мама! Мама! кричалъ Конрадъ.

Въ это время Ассадъ пошевелился и поднялъ голову.

— Другъ мой Гансъ, обратился онъ къ купцу Фильнеку. Вспомни о своемъ обѣщаніи!.. Возьми этого мальчика и увези его съ собой!

Гансъ Фильнекъ встрепенулся и, точно голосъ его друга Штау-

фена, привелъ его въ себя, быстро подскочилъ къ умиравшему и взялъ отъ него ребенка. Затѣмъ онъ выбѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ на улицу.

Весь домъ былъ уже объятъ пламенемъ. Трещали балки и языки огня уже врывались въ окна и лизали потолокъ. Ёдкій дымъ стлался по полу и маленькая Рахиль, копошившаяся около мертвой матери, уже кашляла отъ него и задыхалась.

— Раймондъ! вдругъ слышался голосъ умиравшаго Ассада.— Возьми ее!.. Развѣ ты не видишь, что дѣвочка задыхается и плачетъ?.. Возьми ее!.. Унеси ее отсюда!

И, глубоко вздохнувъ, Ассадъ сдѣлалъ движеніе рукой.

Не помня себя отъ ужаса, Раймондъ подошелъ къ своему господину, склонился надъ нимъ и съ трепетомъ поцѣловалъ его въ охлажденную лобъ.

— Разстегни меня, Раймондъ!.. сказалъ Ассадъ.— Вотъ такъ! Сними съ моей шеи молитвенникъ. Возьми его себѣ и береги его...

Раймондъ снялъ съ шеи своего господина молитвенникъ и поднялъ съ полу маленькую Рахиль.

— А теперь иди!.. сказалъ ему Ассадъ.

Въ это время посрединѣ комнаты обрушился потолокъ. Языки пламени наполнили собою комнату и ёдкій дымъ сталъ слѣпить Раймонда. Закрывъ глаза и набросивъ себѣ на голову полу своей одежды,

онъ бросился къ выходу и выскокнлъ на улицу.

Крики уже смолкли, крестonosцы уже ушли и только слышались кое-гдѣ стоны раненыхъ и трещанье огня. Раймондъ шелъ, самъ не зная куда, и крѣпко прижималъ къ себѣ ребенка. Все видѣнное и слышанное имъ казалось ему тяжкимъ сномъ и ему было страшно и онъ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы закричать и позвать на помощь, и въ то-же время сознавалъ, что все это было на яву. Онъ проходилъ по селенію изъ улицы въ улицу и не зналъ, что дѣлать. Теперь онъ былъ во всей Палестинѣ одинъ, далеко отъ родины и предстоявшая жизнь пугала его неизвѣстностью и его страшила судьба порученной ему Рахили. Она уже плакала и просила ѣсть.

— Что я буду съ ней дѣлать? думалъ онъ.— Ей только десятый мѣсяцъ и она еще сосала молоко. Чѣмъ я буду ее кормить?

Рахиль все плакала, онъ ходилъ съ нею по опустѣвшему селенію и все чего-то искалъ и самъ не зналъ, чего.

Стало разсвѣтать. Погасли звѣзды и на востокѣ заалѣло небо. Съ далекихъ горъ потянуло прохладой и сизые дымы отъ догоравшихъ построекъ тихонько поднимались къ небу. Раймондъ прошелъ мимо пепелища, въ которомъ погибъ его хозяинъ, и вдругъ увидѣлъ около

него Наана. Еврей угрюмо сидѣлъ на бревнѣ и печальными глазами глядѣлъ на загоравшійся востокъ. Капли росы свѣтились у него на длинной, сѣдовой бородѣ.

— Здравствуй, Наанъ! обратился къ нему Раймондъ.

— Здравствуй, отвѣтилъ печально Наанъ.— Скорбишь?

— Скорблю, Наанъ! Вѣдь у меня теперь нѣтъ ни господина, ни госпожи.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ... покорно продолжалъ еврей.— На то Его святая воля! Вотъ и я тоже лишился всей своей семьи. А это что у тебя на рукахъ?

— Это маленькая Рахиль, дочь моего покойнаго господина...

— Что-же ты намѣренъ съ нею дѣлать?

— Не знаю... Она плачетъ и хочетъ ѣсть... Если-бы я былъ у себя на родинѣ, то отдалъ-бы ее въ пріютъ...

Глаза Наана засвѣтились радостью.

— Отдай ее мнѣ! сказалъ онъ.— Она будетъ мнѣ утѣшеніемъ и я буду любить ее, какъ родную дочь.

— Возьми! отвѣтилъ Раймондъ.— Ее зовутъ Рахиль.

И онъ передалъ Наану дѣвочку и, глубоко вздохнувъ, пошелъ отъ него прочь. Когда шаги его затихли за ближайшимъ угломъ, Наанъ всталъ, прижалъ дѣвочку къ своей груди и поднялъ глаза къ небу.

— Благодарю тебя, Господи, съ

благоговѣніемъ сказалъ онъ.— Да будетъ воля Твоя! Ты взялъ у меня всю мою семью и вотъ послалъ мнѣ въ утѣшеніе этого ребенка! Теперь я опять не одинъ!

Лаская ребенка, онъ вышелъ изъ селенія и долго шелъ по пути въ Дамаскъ. Было уже утро, пробуждались птицы, и надъ потокомъ стоялъ туманъ. Дойдя до одинокой хижины, онъ постучался въ нее. Къ нему вышла женщина.

— Дина, обратился онъ къ ней.— Сегодня христіане сожгли мой домъ и лишили меня семьи. Но Богъ послалъ мнѣ эту дѣвочку. Ты женщина и тоже христіанка. Ты бѣдна и нуждаешься въ помощи. Пойдемъ со мною. Будь этой дѣвочкѣ няней!

Дина подумала и сказала:—

— Хорошо, пойдёмъ.

И они пошли.

Прошлопятнадцатьлѣтъ. Купецъ Гансъ Фильнекъ возвратился на родину, воспитатель порученнаго ему Конрада, далъ ему образованіе и изъ мальчика вышелъ красивый, статный рыцарь. Онъ былъ весь въ отца. Смуглый цвѣтъ лица, черные волосы и орлиный взглядъ указывали на его восточное происхожденіе. Гансъ Фильнекъ не скрывалъ отъ него, кто былъ его отецъ. Въ долгіе зимніе вечера онъ рассказывалъ мальчику о томъ, какъ когда-то они ѣхали въ Иерусалимъ и какъ на постояломъ дворѣ Наана на нихъ напали крестоносцы, приняли ихъ за евреевъ

или за турокъ и убили его отца и мать. Мальчикъ внималъ ему, стараясь не проронить ни одного его слова, и когда достигъ 16-ти лѣтъ и сталъ рыцаремъ, то всѣ его помыслы были обращены къ Палестинѣ. Ему захотѣлось побывать тамъ самому, увидеть тѣ

Забили барабаны, затрубили трубы, и рыцари снова отправились походомъ въ Палестину. Несмѣтныя полчища ихъ, сверкая доспѣхами, двинулись въ далекій путь.

— За Святую Дѣву и за Гробъ Господень! кричали они. — Такъ Богу угодно!

— Оставь немножко и намъ!

мѣста, гдѣ когда-то погибли его отецъ и мать, и сразиться съ турками за Гробъ Господень, который все еще находился въ ихъ рукахъ. О томъ, что онъ былъ роднымъ племянникомъ Саладина, онъ не зналъ, да не зналъ этого и самъ Гансъ Фильнекъ; иначе онъ разсказалъ-бы ему и объ этомъ.

На этотъ разъ вмѣстѣ съ рыцарями ѣхалъ уже и молодой Конрадъ. Смуглый, черноокий, красивый, онъ горѣлъ желаніемъ прославить себя подвигами и увидѣть новыя мѣста, гдѣ когда-то жилъ и пострадалъ Христось. Храбрый, безстрашный, онъ мечталъ о славѣ и ему казалось, что онъ воз-

вратится съ похода и всѣ будутъ о немъ говорить. Въ Иерусалимѣ до сихъ поръ еще правилъ султанъ Саладинъ и Конраду хотѣлось сразиться именно съ нимъ самимъ

вскочилъ на коня и поскакалъ къ Иерусалиму.

— За Святой гробъ Господень! закричалъ онъ, потрясая мечемъ.— За дорогую родину и за нашего короля!

Кто-бы это позабылъ?..

и отомстить ему за то, что онъ овладѣлъ Палестиной и не отдавалъ ея христіанамъ. Онъ высадили въ Палестинѣ изъ корабля и вмѣстѣ съ десятью такими-же смѣльчаками, какъ и онъ самъ,

Свѣтило жаркое солнце и маленькая кучка всадниковъ скакала по бесплодной равнинѣ. Кое гдѣ виднѣлись большіе, отдѣльные камни, плававшіе зноемъ, и на горизонтѣ тянулась голая горная гряда, изъ

за которой уже не видно было ничего. Когда Конрадъ съ товарищами подскочилъ къ ней, то изъза нея выскочила вдругъ цѣлая толпа турокъ, окружила рыцарей со всѣхъ сторонъ и выпустила на нихъ цѣлое облако копій и стрѣлъ. Лошадь подъ Конрадомъ была убита, но онъ высвободился изъ подъ нея и обнажилъ свой мечъ.

— Сдавайтесь! кричали рыцарямъ турки.

— Рыцари не сдаются никогда! отвѣтила имъ молодежь.

И началось сраженіе. Размахивая мечомъ и не помня ничего, Конрадъ врѣзался въ самую средину турокъ, но страшный ударъ чѣмъ-то тяжелымъ по головѣ заставилъ его потерять сознание и повалиться на землю.

А когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ себя уже въ большомъ городѣ. Вокругъ него стояли турки и стерегли его. Онъ догадался, что попалъ въ плѣнъ.

— Гдѣ я? спросилъ онъ.

— Въ Иерусалимѣ, отвѣтилъ ему какой-то турокъ по нѣмецки. — Сейчасъ тебя поведутъ къ султану Саладину и онъ прикажетъ тебя казнить.

А въ это время султанъ Саладинъ даже и не подозрѣвалъ, что его родной племянникъ Конрадъ теперь находился въ Иерусалимѣ и долженъ былъ предстать предъ его грозныя очи.

— Введите его! приказалъ Саладинъ.

Четверо турокъ ввели связаннаго Конрада. Молодой рыцарь гордою поступью вышелъ впередъ и глаза его сверкнули, какъ у орла, Его внѣшность поразила Саладина.

— „Точно такимъ - же былъ когда-то и мой братъ Ассадъ“... подумалъ онъ.

И его сердце радостно забилося. Онъ подошелъ къ двери и отстранилъ занавѣску.

— Сестра, обратился онъ къ Ситтѣ. — Выйди сюда и посмотри на этого рыцаря!.

Ситта вышла, взглянула на Конрада и схватилась рукою за грудь. Глаза ея наполнились слезами.

— Какъ онъ похожъ на нашего брата Ассада!.. проговорила она. — Такіе же носъ и ротъ и такіе-же гордые, орлиные глаза.

И они еще долго и безмолвно смотрѣли на рыцаря и вспоминали объ Ассадѣ.

— Кто ты? обратился наконецъ Саладинъ къ молодому человѣку. — Откуда ты родомъ?

— Я—Конрадъ Штауфенъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ. Моя родина—Германія. Я пріѣхалъ сюда, чтобы сражаться съ тобой и умереть въ честномъ бою!

— Но теперь ты попался въ плѣнъ и я долженъ тебя казнить!..

Глаза Конрада сверкнули.

— Ты не сдѣлаешь этого, сул-

танъ! воскликнулъ онъ.—Ты отпустишь меня обратно на свободу и прикажешь цѣлому твоему полку сразиться со мной. Все равно я буду имъ убить, но тогда на мнѣ не будетъ позора, что я былъ въ плѣну и былъ тобою казненъ!

„Такъ благородно всегда отвѣчалъ и мой братъ Ассадъ“, подумалъ Саладинъ.

И, отойдя съ сестрою въ сторону, онъ долго съ нею о чемъ-то говорилъ. А затѣмъ, обратясь къ стражѣ, онъ приказалъ:—

— Развяжите его! Отпустите его на свободу! Но только не выпускайте его изъ Иерусалима! Пусть онъ живетъ среди насъ и будетъ для насъ не врагомъ, а своимъ!..

А потомъ онъ подошелъ къ Конраду и ласково похлопалъ его по плечу.

— Мнѣ понравилась твоя храбрость, сказалъ онъ,—и я дарую тебѣ за это жизнь. Живи среди насъ и будь нашимъ другомъ.

А сестрѣ Ситтѣ онъ тихонько сказалъ:—Этотъ юноша своимъ видомъ будетъ согрѣвать наши сердца.

И Конрадъ остался въ Иерусалимѣ совсѣмъ. Его тяготилъ его плѣнъ, онъ цѣлые дни проводилъ въ прогулкахъ по городу, скучалъ и придумывалъ способъ, какъ бы бѣжать къ своимъ. Онъ считалъ дни и часы, когда крестоносцы подойдутъ къ самому Иерусалиму, возьмутъ его и ворвутся въ го-

родъ и онъ присоединится къ нимъ и будетъ сражаться вмѣстѣ съ ними за вѣру. Но дни проходили за днями, а крестоносцы все не приходили. Онъ усталъ поджидать ихъ и отъ скуки сталъ уходить далеко гулять. Однажды онъ незамѣтно для самого себя оказался вдругъ на окраинѣ города. Здѣсь было пустынно и тихо, точно все кругомъ вымерло или забылось сладкимъ, полуденнымъ сномъ. И вдругъ изъ подъ крыши одного изъ домиковъ показался огонь. Его языки скоро стали вырываться изъ оконъ и изъ дверей и въ какія-нибудь пять-шесть минутъ весь домикъ былъ уже объятъ пламенемъ. Какая-то женщина, видя себя отъ ужаса, выбѣжала изъ него и замахала руками.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! закричала она.—Спасите! Помогите! Бѣдная дѣвушка осталась въ огнѣ!

Но никто не побѣжалъ къ ней на помощь. Она стояла блѣдная и испуганная и въ отчаяніи ломала себѣ руки.

— Тамъ въ огнѣ осталась дѣвушка! вновь закричала женщина.—Спасите! Помогите!

Тогда Конрадъ пришелъ въ себя. Точно завѣса спала у него съ глазъ. Онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ горѣвшему дому и, закрывъ обѣими руками лицо, бросился въ самый огонь.

Рыдающая женщина увидѣла, какъ онъ исчезъ въ глубинѣ дома.

Прошли томительныя двѣ минуты, которыя показались ей вѣчностью, и вслѣдъ затѣмъ въ морѣ огня снова показался Конрадъ. Онъ несъ на рукахъ спасенную имъ дѣвушку. Съ обгорѣвшими волосами, съ начавшей уже тлѣть одеждой, онъ вынесъ эту дѣвушку изъ огня, бережно положилъ ее на траву и молча пошелъ своей дорогой.

— Кто вы? вдругъ услышалъ онъ позади себя женскій голосъ.— За кого мы должны молиться Богу всю нашу жизнь?

Онъ обернулся. Позади него стояла та женщина, которая позвала его на пожаръ.

— Я — Конрадъ Штауфенъ, просто отвѣтилъ онъ. — Я проходилъ мимо и сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы и всякій другой.

— Я христіанка, отвѣтила женщина, и вполне понимаю васъ. Та дѣвушка, которую вы спасли — тоже христіанка. Но объ мы живемъ у еврея и всѣ здѣсь считаютъ насъ за евреекъ. Да благословить васъ Господь!

Конрадъ остановился.

— Если вы христіанки, сказалъ онъ, — то зачѣмъ же вы живете у еврея? Вѣдь это запрещено закономъ.

— Нѣтъ, благородный рыцарь, отвѣтила женщина, — для христіанъ всѣ люди равны. Мой хозяинъ Наѳанъ воспиталъ спасенную вами дѣвушку Рахиль съ самыхъ ея дѣтскихъ лѣтъ, когда она оста-

лась сиротой, еще груднымъ ребенкомъ. Онъ приютилъ у себя и меня, Дину, — и вотъ я живу у него уже цѣлые пятнадцать лѣтъ.

— Значитъ, никто не знаетъ, что вы объ христіанки?

— Да, господинъ, всѣ здѣсь считаютъ насъ еврейками.

— Но вѣдь если узнаютъ, что еврей столько лѣтъ пряталъ у себя христіанскаго ребенка, то по здѣшнимъ законамъ его должны сжечь на кострѣ!

— Я знаю это, благородный рыцарь, и поэтому мы и не рассказываемъ объ этомъ никому. Я сказала это только вамъ — и больше никому.

— Тссс! вдругъ прошепталъ Конрадъ. — Тебя могутъ услышать!.. Видишь, сколько людей уже сбѣжалось на пожаръ!

Вокругъ пожарища дѣйствительно собралось уже много людей, и турокъ, и евреевъ, и христіанъ. Многіе изъ нихъ столпились около лежавшей безъ чувствъ Рахили и старались привести ее въ себя. Когда одна изъ женщинъ растегнула у нея воротъ, чтобы помочь ей холодной водою грудь, то всѣ увидѣли у нея на шеѣ крестъ.

— Это христіанка! слышались голоса. — У нея на шеѣ крестъ!

— Но вѣдь она — дочь еврея Наѳана! воскликнули другіе. — Это его дочь — Рахиль! Между тѣмъ самъ Наѳанъ еще не крещенъ!

Конрадъ ушелъ своей дорогой

и когда Дина вернулась къ пожарищу и бросилась къ Рахили, то и для нея самой, и для начинавшей уже приходиться въ чувство дѣвушки было ясно, что ихъ секретъ уже былъ открытъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, что-же теперь дѣлать? ломала руки Дина.—Если-бы самъ Наѳанъ былъ здѣсь! А то онъ уфхалъ съ товарами въ Дамаскъ и вернется только сегодня вечеромъ!

— Смерть Наѳану! кричала толпа.—Смерть жиду! Онъ не смѣетъ держать у себя христіанскую дѣвушку и выдавать ее за еврейку!

И вся толпа двинулась къ патриарху.

— Къ патриарху! Къ патриарху! закричала она.—Онъ здѣсь единственный заступникъ за христіанъ! Пусть онъ вступится за этихъ женщинъ и потребуетъ наказанія еврею!

Дина и Рахиль остались однѣ и не знали, что имъ дѣлать.

Вечеромъ вернулся изъ Дамаска старикъ-Наѳанъ. Онъ былъ все такой-же, какъ и 15 лѣтъ тому назадъ, когда крестоносцы сожгли его домъ и убили его семью. Все такой-же спокойный, задумчивый, онъ поглядѣлъ на пепелище и провелъ рукой по лицу и по своей длинной, сѣдой бородѣ.

— Богъ далъ, сказалъ онъ.—Богъ и взялъ. Но кто-же тотъ благородный рыцарь, который спасъ тебя, мою ненаглядную Рахиль?

Женщины рассказали ему обо всемъ, сообщили ему, что толпа уже отправилась къ патриарху и что теперь нужно ожидать суда, но Наѳанъ успокоилъ ихъ и ласково улыбнулся на ихъ слова.

— Развѣ можно сжечь на кострѣ меня за то, сказалъ онъ,—что я люблю Рахиль, какъ свою родную дочь, а тебя, Дина, какъ родную сестру? Развѣ за любовь сжигаютъ на кострахъ? Развѣ я мѣшалъ вамъ молиться нашему единому Богу?

— Но ты скрывалъ, Наѳанъ, Рахиль у себя!

— Да, но какъ-бы я могъ разстаться съ ней, когда я люблю ее, какъ родную дочь?

Женщины успокоились и, всѣ трое, они отправились ночевать на постоялый дворъ.

Вечеромъ къ Конраду пришелъ отъ патриарха монахъ.

— Его святѣйшество васъ проситъ завтра утромъ къ себѣ, сказалъ онъ.—Онъ хочетъ разспросить васъ о той христіанской дѣвушкѣ, которую вы спасли и которую столько лѣтъ скрывалъ у себя еврей.

Конрадъ грустно посмотрѣлъ на монаха. Ему было тоскливо одному и захотѣлось вдругъ хоть съ кѣмънибудь поговорить.

— Выдавно здѣсь, святой отецъ? спросилъ онъ у монаха.

— Уже пятнадцать лѣтъ, отвѣтилъ монахъ,—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на насъ по дорогѣ на-

пали крестоносцы и убили моихъ хозяевъ. Оставшись въ Палестинѣ одинъ и въ благодарность Богу за то, что онъ меня спасъ, я пробрался въ Иерусалимъ и вотъ я здѣсь постригся въ монахи.

— А откуда вы родомъ, мой отецъ? продолжалъ Конрадъ.

— Изъ Германіи... Мое имя въ мѣръ было Раймондъ... Я служилъ у господина Штауфена, но его убили крестоносцы...

Конрадъ вздрогнулъ.

— Вы говорите Штауфена, святой отецъ? быстро спросилъ онъ.

— Да, благородный рыцарь, продолжалъ монахъ.—У него было двое дѣтей—мальчикъ Конрадъ и дѣвочка Рахиль... Когда вбѣжали крестоносцы и подожгли домъ, то я не знаю, куда дѣвался мальчикъ. Что-же касается малютки Рахили... Но вы поблѣднѣли, благородный господинъ?..

— Ничего, продолжайте! сказалъ Конрадъ.

Сердце у него билось, въ ухахъ стучало, ему поскорѣ хотѣлось узнать истину и въ то-же время онъ боялся услышать чтонибудь дурное о Рахили.

— Умирая, мой хозяинъ Штауфенъ вручилъ мнѣ свою дочь Рахиль, продолжалъ монахъ,—и сказалъ мнѣ:—„Раймондъ, сбереги эту дѣвочку!“ Но какъ я могъ ее сберечь? Тогда я былъ здѣсь одинъ, самъ нуждался во всемъ, а Рахиль еще сосала молоко и нужда-

лась въ матери... Тогда я рѣшилъ...

— Вы погубили ее? испугался Конрадъ.

— Нѣтъ, благородный рыцарь, отвѣтилъ монахъ.—Я передалъ ее одному еврею, который лишился въ ту ночь всей своей семьи. Онъ обѣщалъ мнѣ ее воспитать и любить, какъ родную дочь...

— Несчастный, что вы сдѣлали! Вѣдь она-же была христіанка, а вы отдали ее еврею!

— Для милосердія, добрый господинъ, всѣ люди равны, спокойно отвѣтилъ монахъ. Чтобы сдѣлать добро, не нужно быть ни евреемъ, ни христіаниномъ, а нужно имѣть только доброе сердце. Еврей имѣлъ его, и я отдалъ ему Рахиль... Вотъ и все.

— Гдѣ-же она теперь?

— Не знаю, благородный господинъ... Это было отсюда далеко...

Молодой человекъ не зналъ, что ему дѣлать. Побѣжать сейчасъ къ Динѣ и расспросить ее обо всемъ? Но это показалось ему нескромнымъ, и онъ простился съ монахомъ, отпустилъ его и вышелъ погулять. Что-то подсказывало ему, что спасенная имъ дѣвушка могла быть его сестрой, но въ то-же время и сомнѣнія копошились въ его душѣ.

Какъ-то невольно онъ снова подошелъ къ сгорѣвшему дому. Но на его мѣстѣ были одни только обгорѣлыя бревна и торчали пни. Солнце уже

зашло и слышно было, какъ гдѣ-то неприятно кричали ослы.

— А гдѣ-же хозяйева этого стогрѣвшаго дома? спросилъ Конрадъ у дѣвочки-сосѣдки.

— Не знаю... отвѣтила она.— Куда-то ушли совсѣмъ!

Утромъ къ Конраду явился стражникъ отъ самого султана Саладина.

— Великій Саладинъ требуетъ васъ сейчасъ къ себѣ! сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Но я сейчасъ долженъ идти къ патріарху, отвѣтилъ ему Конрадъ.

— Его святѣйшество уже самъ изволить быть сейчасъ у великаго повелителя Саладина, продолжалъ стражникъ.— Они оба требуютъ васъ къ себѣ.

— Хорошо, я сейчасъ приду!

Стражникъ удалился и велѣдъ за нимъ отправился къ Саладину и Конрадъ. У Саладина онъ засталъ патріарха, старика Наана, и Рахиль. Султанъ сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и видно было, что онъ приготовился судить.

— Этотъ еврей подлежитъ сожженію на кострѣ! сказалъ патріархъ.— Онъ скрывалъ у себя подъ видомъ дочери эту дѣвушку и ты, великій султанъ, допроси Рахиль и этого молодого рыцаря, который ее спасъ, и поступи, какъ повелѣваетъ законъ!

Конрадъ рассказалъ, какъ было дѣло. Рахиль со слезами заявила,

что она любитъ Наана, какъ отца, и пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ на костеръ. Наанъ стоялъ молча и крутилъ кончикъ своей сѣдой бороды. Онъ былъ вполне спокоенъ.

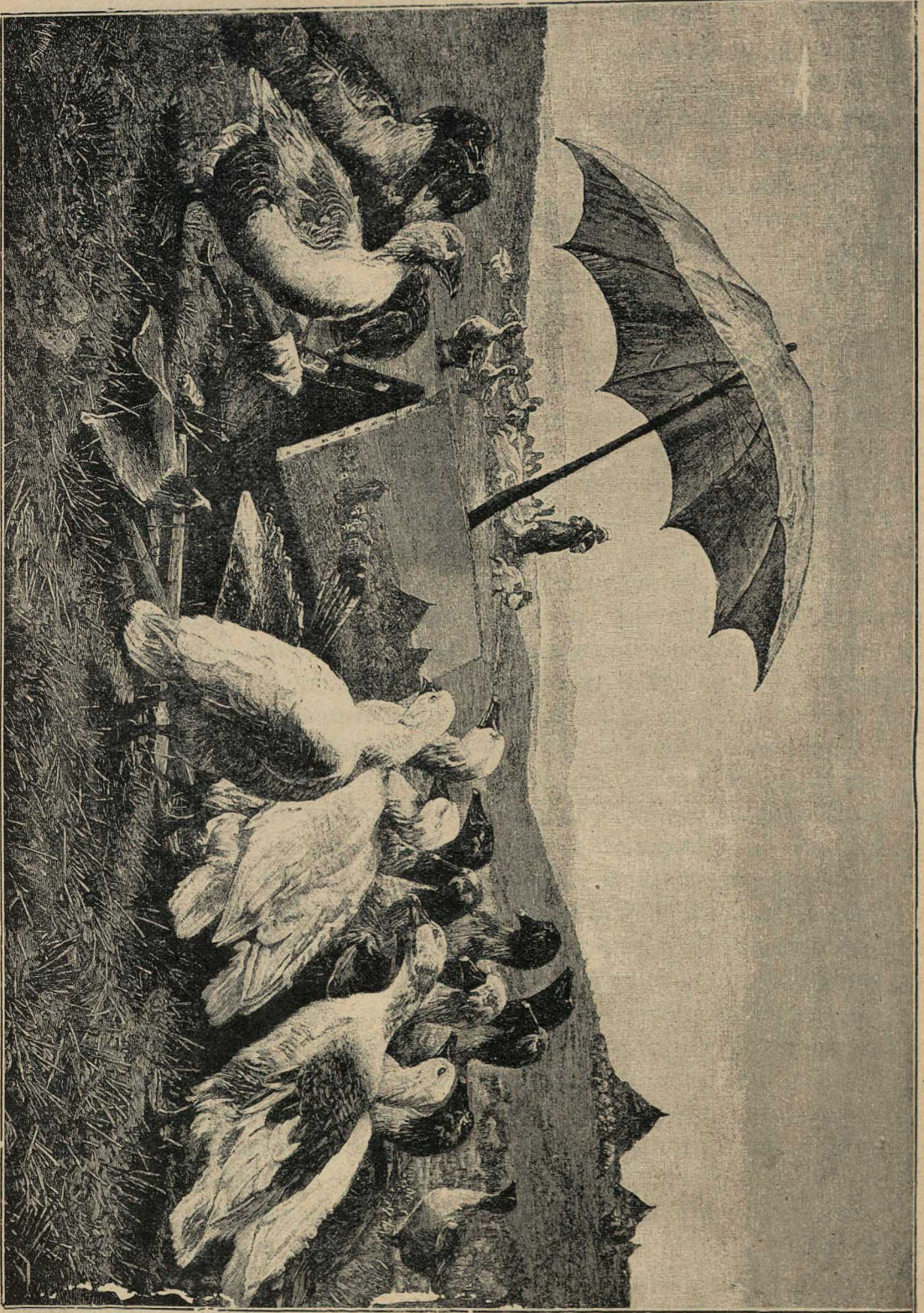
— Что-же ты скажешь въ свое оправданіе, еврей Наанъ? обратился къ нему Саладинъ. Вѣдь ты не имѣлъ права держать христіанку Рахиль у себя!

Наанъ выступилъ впередъ.

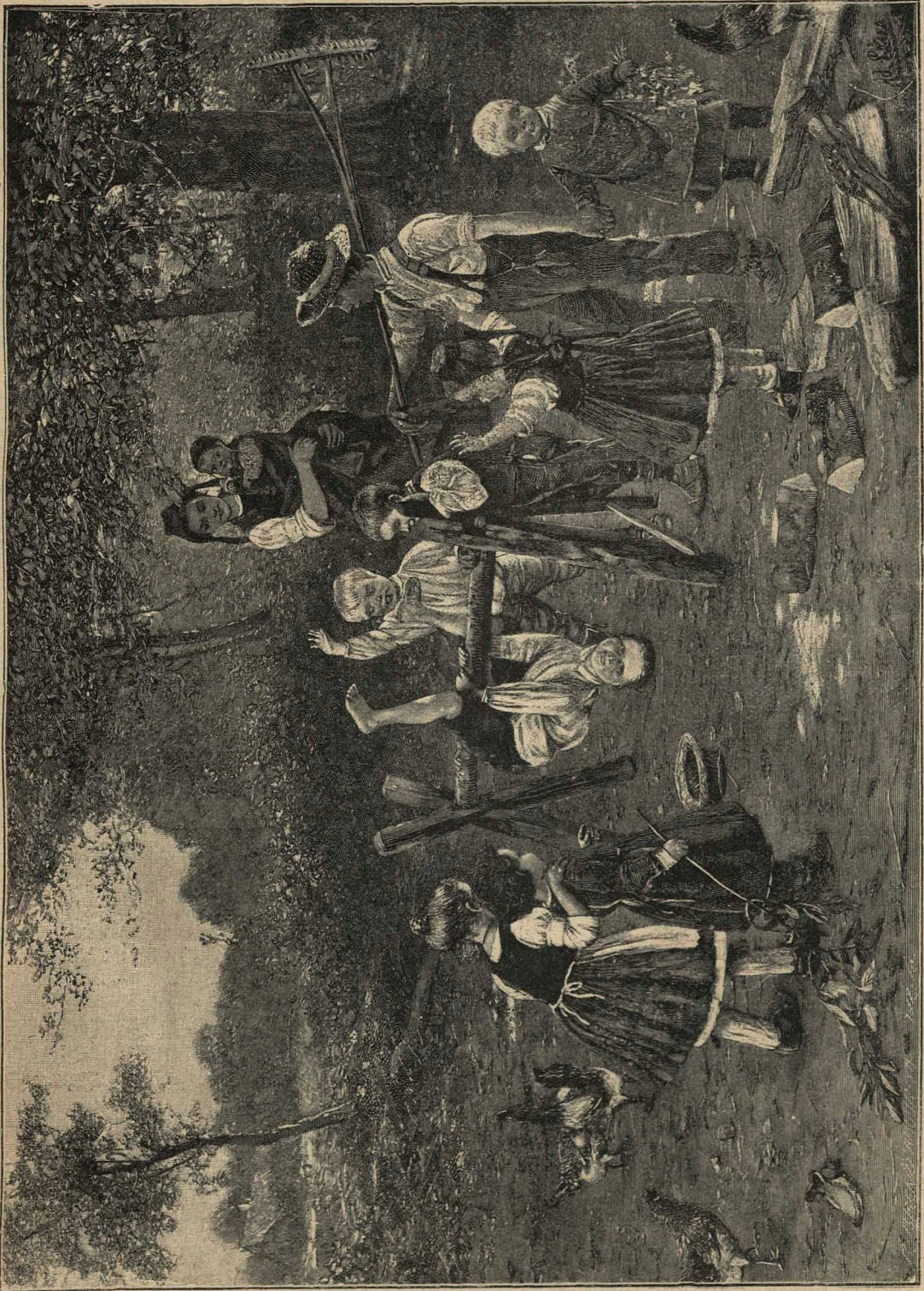
— Дѣвочка еще сосала грудь, началъ онъ,—когда я ее взялъ къ себѣ. Она лишилась родителей и умерла-бы съ голоду, если-бы я ее не взялъ. Но она была христіанка, а я—еврей. Я не имѣлъ права брать ее къ себѣ по закону, но, каюсь,—я взялъ ее по сердцу...

Наанъ положилъ руку себѣ на грудь и теперь, уже полный волненія, продолжалъ:—

— О, великій султанъ Саладинъ! О, святѣйшій патріархъ! Я еще не знаю, Господь еще не выяснилъ моему скромному, ограниченному уму, правъ-ли я или виноватъ. Но, когда я бралъ къ себѣ Рахиль, то я старался дѣлать добро. Если я не гналъ ее отъ себя, когда она выросла, то только потому, что любилъ ее, какъ дочь, и она чтитъ во мнѣ отца. Если я не заявлялъ о ней никому, то только потому, что боялся ее потерять. Повторяю,—я люблю ее, какъ дочь. Если вамъ знакома любовь къ дѣтямъ или къ роднымъ, то не разлучайте насъ! Я не мѣшаю ей быть христіанкой,

Пантели истребля.

Веселая публика.

поступите-же по-христіански и вы: оставьте эту дѣвушку при мнѣ!

Саладинъ съ патриархомъ стали тихонько совѣщаться. Султанъ слушалъ, что говорилъ ему патриархъ, и все время не сводилъ глазъ съ Конрада. И вдругъ въ комнату вошелъ стражникъ и доложилъ:—

— Какой-то монахъ просить разрѣшенія войти!

— Пусть войдетъ! приказалъ Саладинъ.

Въ комнату вошелъ Раймондъ и низко поклонился всѣмъ.

— Великій повелитель и вы, о, святѣйшій патриархъ, сказалъ онъ. Когда я въ первый разъ увидаль вчера этого молодого благороднаго рыцаря Конрада, то мнѣ сразу-же показались знакомыми его имя и лицо. Когда-же мы заговорили съ нимъ объ этой дѣвушкѣ Рахили, то для меня уже не оставалось больше никакихъ сомнѣній...

Онъ полѣзъ за пазуху и досталъ оттуда молитвенникъ.

— Ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ, продолжалъ онъ,—я былъ слугою моего господина Штауфена и мы ѣхали изъ Германіи въ Іерусалимъ. У него было двое дѣтей—Конрадъ и Рахиль. На насъ напали крестоносцы и убили всѣхъ, за исключеніемъ меня, этихъ двухъ дѣтей и еврея—владѣльца постоялаго двора. Кто взялъ потомъ Конрада, — я не знаю, но умиравшій хозяинъ поручилъ свою маленькую Рахиль мнѣ. Я вышелъ съ

нею изъ деревни, не зная, что съ нею дѣлать, она еще сосала молоко. И вотъ я увидѣлъ этого еврея — владѣльца постоялаго двора. Онъ выпросилъ у меня дѣвочку и я отдалъ ее ему...

— Такъ это былъ ты?! вдругъ воскликнулъ Наанъ. — Скажи-же, кто былъ ея отецъ? О, Господь, который посылаешь мнѣ это счастье!..

— Ея отецъ былъ Штауфенъ... Родомъ изъ Германіи... отвѣтилъ монахъ.

— Мой отецъ тоже былъ Штауфенъ! закричалъ Конрадъ, — и тоже былъ родомъ изъ Германіи!

— Значить, эти дѣти—братъ и сестра!.. сказала съ благоговѣніемъ Наанъ.—Благъ Господь и милостивъ, долготерпѣливъ и много-милостивъ!..

Султанъ далъ знакъ рукой, что желаетъ говорить. Всѣ смолкли.

— Кто-же былъ этотъ Штауфенъ? спросилъ онъ.—Зачѣмъ онъ ѣхалъ изъ Германіи въ Іерусалимъ?

— Не знаю, великій повелитель, съ поклономъ отвѣтилъ монахъ.— Онъ передалъ мнѣ при смерти этотъ молитвенникъ, въ которомъ написано что-то на арабскомъ языкѣ. Но я не умѣю читать по-арабски...

— Дай его сюда! приказалъ Саладинъ.

Монахъ подалъ ему молитвенникъ.

„Я, Ассадъ, братъ султана Са-

ладина“...громко прочель Саладинъ и далѣе уже не могъ продолжать. Слезы брызнули у него изъ глазъ.

— Ситта! Ситта, сестра моя! закричалъ онъ.—Иди сюда скорѣ! Слушай, что я тебѣ прочту!..

Прибѣжала встревоженная Ситта, посмотрѣла на всѣхъ удивленными глазами, но Саладинъ все еще не могъ продолжать и рыдалъ, какъ дитя.

— Конрадъ, Рахиль... обратился онъ къ брату и сестрѣ,—Мои милые племянники, дорогія дѣти моего брата Ассада!.. Подойдите-же ко мнѣ поближе!—Дайте я васъ прижму къ своей груди!

Конрадъ и Рахиль подошли къ своему дядѣ. Ситта плакала въ три ручья. А когда поутихла немного радость свиданія и когда всѣ получили наконецъ возможность спрашивать и говорить, то и патриархъ тоже подошелъ къ Саладину и задалъ ему вопросъ: —

— Когда-же ты прикажешь раз-

ложить для Наана костеръ? Вѣдь онъ преступилъ законъ?

Саладинъ сверкнулъ на него орлиными очами и выпрямился во весь свой ростъ.

— Мудрый Наанъ, обратился онъ къ старому еврею,—подойди ко мнѣ поближе! Ты воспитывалъ эту дѣвушку и сдѣлалъ счастливыми меня и мою сестру. Ты сдѣлалъ сразу три добрыхъ дѣла, которымъ нѣтъ цѣны. Стань-же около меня и будь моимъ близкимъ другомъ. Конрадъ и Рахиль, приблизьтесь ко мнѣ! Теперь вы останетесь всѣ со мной!

Старый Наанъ скромно и спокойно подошелъ къ султану и сталъ съ нимъ рядомъ. Рахиль бросилась къ Ситтѣ на шею. Патриархъ обвелъ ихъ взглядомъ и вышелъ изъ комнаты. Монахъ Раймондъ покорно послѣдовалъ за нимъ.

Лео.

(По Лессингу).

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Звонятъ-гудятъ колокола уныло
И въ церковь многіе говѣть идутъ,
Просить прощенья въ томъ, что плохо было,
И разрѣшенія на новый, честный трудъ.

Звонятъ-гудятъ колокола уныло,
Проходятъ въ храмъ весенніе лучи,
Прозрачный дымъ струится изъ кадила,
Да кое-гдѣ горятъ двѣ-три свѣчи.

Звонятъ-гудятъ колокола печально,
Выходитъ батюшка, дьячекъ поетъ,
Глядитъ Христось съ Креста многострадално
И Матерь Божія тоскливо слезы льетъ.

И всѣ стоятъ-молчатъ; ни возгласа, ни стопа;
У всѣхъ душа молитвой занята
И падаютъ всѣ ницъ, услышавши съ амвона
Молитву „Господи, Владыко живота“....

Кузнечикъ.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Евгенія Федоровна ѣхала всю по сторснамъ и протираала себѣ
ночь и къ утру добралась до Сень- глаза.
Бернарскаго монастыря. Она за- — Тетя, гдѣ мы? спрашивала
стала тамъ Лоренцо и его дили- она Евгенію Федоровну.—Гдѣ-же
жансь. Всю дорогу Маргарита городъ и желѣзная дорога? Гдѣ
спала, положивъ голову ей на кол- садики и травка?..
лѣни, и когда проснулась и уви- Но Евгенія Федоровна не слу-
дѣла опять горы, монастырь и шала ея.
снѣга, то все, видѣнное ею на- Дилижансь стоялъ среди мона-
канунѣ, показалось ей сномъ. стырскаго двора, Лоренцо запря-
Она въ удивленіи оглядывалась галь въ него лошадей и, каза-

лось, не обращалъ вниманія ни на кого.

— Здравствуйте, обратилась къ нему Евгенія Ѳедоровна.— Вы сейчасъ не изъ Милана? Вы не въ Люцернъ?

Лоренцо поднялъ на нее глаза.

— Такъ точно, сеньора, отвѣтилъ онъ.— Я ѣду въ Люцернъ!

— Вы не везете съ собой старушку съ двумя дѣтьми—съ мальчикомъ и дѣвочкой?

— Нѣтъ, сеньора, отвѣтилъ Лоренцо.— Я доставилъ ихъ въ Миланъ, и обратно ихъ уже не везу. Я подвезъ ихъ вчера съ постоялаго двора на вокзалъ и самъ видѣлъ, какъ они сѣли въ поѣздъ и уѣхали куда-то на югъ.

Евгенія Ѳедоровна почувствовала, какъ почва выскользнула у нея изъ подъ ногъ.

— Но вѣдь я вчера цѣлый день продежурила на вокзалѣ! воскликнула она.— Я пробыла тамъ весь день съ семи часовъ утра!

— Что дѣлать, сеньора? вздохнулъ Лоренцо.— Ваши знакомые уѣхали съ поѣздомъ въ шесть часовъ утра...

Евгенія Ѳедоровна взяла Маргариту за руку и побрела съ ней въ странопріимный домъ. Теперь все потеряло для нея значеніе и смыслъ. Теперь ей было совершенно все равно, ѣхать-ли далѣе или оставаться здѣсь, и было ясно только одно, что она потеряла слѣдъ своей дочери навсегда. Ей

хотѣлось плакать, жаловаться, упрекать себя, и всѣхъ, но было уже поздно и нельзя было измѣнить того, что произошло. Она вошла въ гостинницу и въ безсиліи опустила на стуль. Всѣ пріѣхавшіе пассажиры суетились около нея, укладывали свои вещи и собирались въ дальнѣйшій путь. Никто не замѣчалъ ея горя, никому не было дѣла до ея Кати и до нея самой, и она вновь почувствовала себя такою одинокой, какой не чувствовала себя еще никогда. Около нея стояла Маргарита и смотрѣла на нее большими, серьезными испуганными глазами.

Затѣмъ послышался рожокъ Лоренцо и всѣ пассажиры вышли съ вещами на дворъ.

— Тетя, вдругъ обратилась Маргарита къ Евгеніи Ѳедоровнѣ. Дудка заиграла... Пойдемъ сядемъ на эту повозку и мы!..

— Зачѣмъ? спросила безучастно Евгенія Ѳедоровна.

— Ъхать...

— Куда? Къ кому? Развѣ у насъ есть гдѣ-нибудь домъ?

Она притянула къ себѣ Маргариту и прижалась къ ея личику щекой.

— Поѣдемъ, тетя!.. жалобно повторила Маргарита.— Мнѣ здѣсь скучно!.. Поѣдемъ домой!

„Поѣдемъ домой“, подумала Евгенія Ѳедоровна.— „Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же у меня домъ?“

Цѣлые четыре года она уже путешествовать съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не находить себѣ покоя. Она ищетъ свою дочь, утомилась, ей хочется отдохнуть и самой, пожить той покойной жизнью, которой она жила когда-то у себя дома, когда еще не уѣзжала съ Катей и съ Назаровной за границу. И она положила локти на столъ, а на локти—голову и по ея вздрагивавшимъ плечамъ Маргарита догадалась, что она плакала.

Не понимая, въ чемъ дѣло, дѣвочка прижалась къ ней и молчала. А затѣмъ, потерявъ терпѣніе, она стала тереть себѣ глаза.

— Я сама буду плакать... сказала она.

Евгенія Ѳедоровна успокоилась, но все еще не поднимала головы съ локтей. Вся ея жизнь пронеслась передъ ея глазами и какъ-то въ одинъ моментъ промелькнули передъ ней всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ она побывала за эти четыре года и въ которыхъ жила. И какимъ-то страннымъ, очаровательнымъ тепломъ повѣяло вдругъ на нее при одномъ только воспоминаніи о томъ городѣ, гдѣ она жила и гдѣ когда-то у нея былъ свой собственный домъ. Какъ должно быть, все измѣнилось тамъ за эти четыре года! Вѣроятно, теперь уже разрослись тѣ фруКТОВЫЯ деревья, которыя она посадила сама въ своемъ саду, и та сирень, которая росла у ея окна,

теперь стала уже большой. И Евгенію Ѳедоровну вдругъ безумно потянуло въ Россію, къ себѣ на родину, въ этотъ провинціальный городъ, гдѣ протекли ея дѣтство и юность и гдѣ былъ у нея мужъ и была когда-то дочь. Что, если она поѣдетъ сейчасъ туда? Что, если она возьметъ туда съ собою Маргариту, займется ея воспитаніемъ и проживетъ тамъ тихо и незамѣтно всю остальную свою жизнь? Не поможетъ-ли ей тогда Господь забыть свое горе и укрѣпить свое сердце въ трудѣ?

Она подняла голову. Маргарита увидала, что она уже не плачетъ, и весело засмѣялась. Что-то ласковое, нѣжное проснулось вдругъ въ душѣ у Евгеніи Ѳедоровны и какое-то необыкновенное тепло тонкой струйкой потекло въ самое сердце. По откровеннымъ, голубымъ глазкамъ Маргариты она поняла, что замѣняла ей собою мать и родныхъ и что сама судьба приказывала ей не падать духомъ и позаботиться объ этой сиротѣ. И полная какого-то страннаго, охватившаго ее волненія, она протянула дѣвочку къ себѣ и стала жадно цѣловать.

— Пусти, тетя! Пусти!.. увертывалась отъ нея дѣвочка и отъ удовольствія смѣялась такъ, какъ можетъ смѣяться только одинъ ребенокъ.—Дай я лучше поцѣлую тебя!

Евгенія Ѳедоровна положила ей

руки на плечи и серьезно посмотрѣла ей въ самые глаза.

— Знаешь, что? сказала она, — Съ сегодняшняго дня зови меня мамой, а не тетей. Ты будешь для меня, какъ родная дочь!..

Въ это время слышался второй рожокъ Лоренцо. Дилижансъ уже отъѣзжалъ въ Люцернъ.

— Подождите! Подождите! вдругъ застучала ему въ окно Евгенія Оедоровна. — И мы тоже ѣдемъ съ вами!

Лоренцо остановилъ лошадей. Она одѣла быстро Маргариту, одѣлась сама и, захвативъ узлы, выѣхала на дворъ. Отпустивъ привезшій ее изъ Милана экипажъ, она влѣзла въ дилижансъ, усадила рядомъ съ собой Маргариту и крикнула Лоренцо: — Пошелъ!

Дилижансъ со скрипомъ и съ покачиваніями выѣхалъ изъ монастыря. По прежнему его проводжали монахи и собаки и Мистраль еще долго бѣжалъ за нимъ по шоссе. Затѣмъ всѣ онѣ отстали и вернулись назадъ. Свѣтило солнце, таялъ снѣгъ и повсюду бѣжали ручьи. Было замѣтно, что послѣ этой послѣдней бури хотѣла наступить весна.

— Далеко изволите ѣхать, мадамъ? обратился къ Евгеніи Оедоровнѣ ея сосѣдъ, когда крыши монастыря уже совсѣмъ скрылись изъ виду.

— Къ себѣ домой... Въ Россію... отвѣтила она.

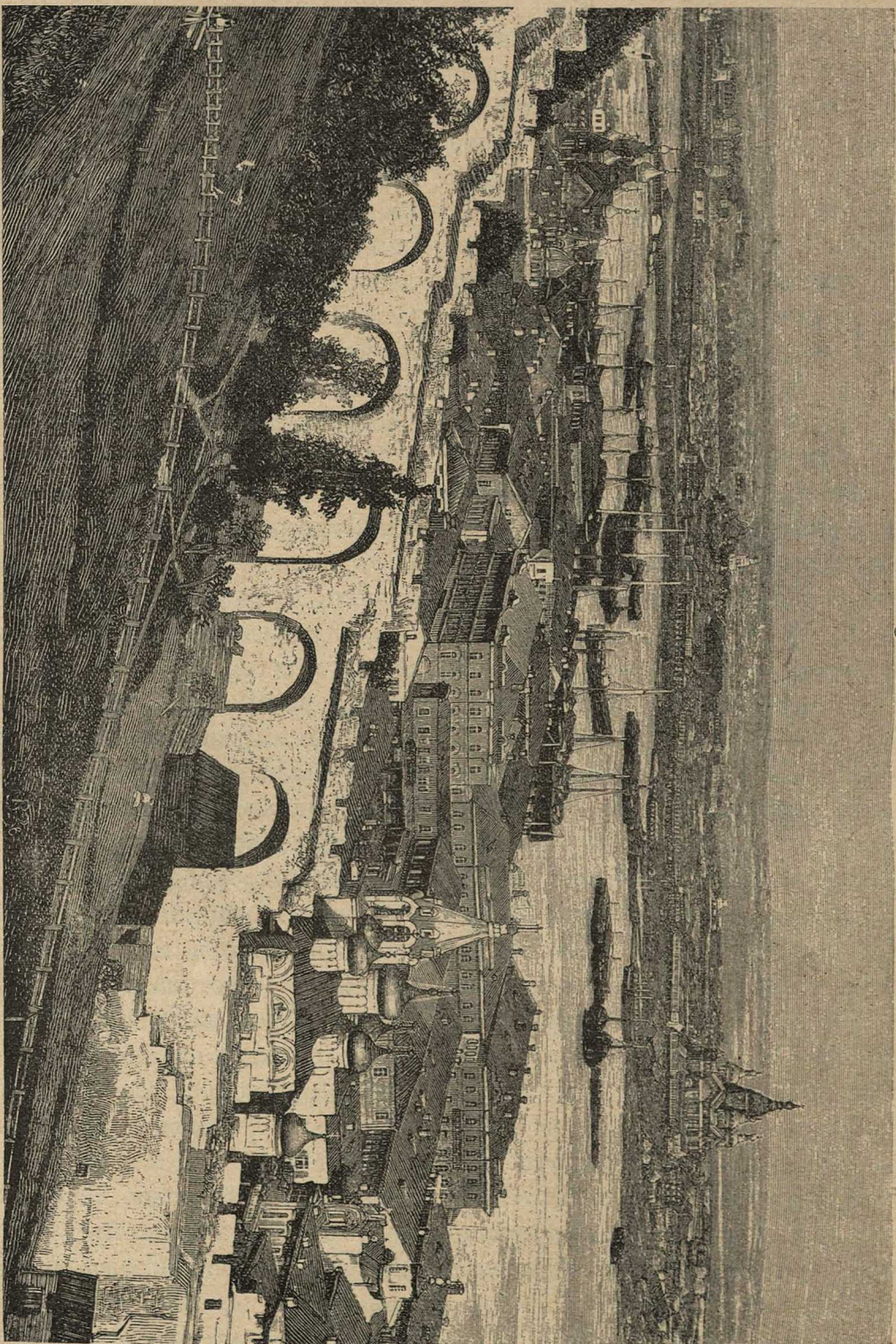
Прошли два мѣсяца, Костя поправился окончательно, окрѣпъ, загорѣлъ и порозовѣлъ, Катя растолстѣла, какъ тыква, и всѣ трое — онъ, она и бабушка Наталья Кирилловна, — уже собрались ѣхать домой. Бабушка наотрѣзъ отказалась опять переваливать черезъ Сень-Готардскій проходъ и они возвращались теперь черезъ Венецію и Вѣну и считали дни и часы, когда снова увидятъ Россію.

Но вотъ уже и она — милая, дорогая Россія! Уже весна, прилетѣли грачи и скворцы, на берегахъ молоденькіе, свѣженькіе листочки и въ поляхъ уже ходятъ за плугомъ крестьяне. Бѣгутъ ручьи и когда поѣздъ переѣзжаетъ черезъ рѣки, то онѣ еще не вошли въ берега и кажутся вдвое шире, чѣмъ были. Звонятъ въ селахъ и въ городахъ колокола, повсюду на станціяхъ встрѣчаются добродушные, широкобородыя лица и вкусно пахнутъ щами. Все время Костя и Катя висятъ на окнахъ. Бабушка уже устала ѣхать, ей надоѣло переѣзжать съ мѣста на мѣсто и скорѣе хочется домой.

— Пора, пора! шепчетъ она. — Шутка-ли, сколько времени не были дома!

Но вотъ уже близко. Еще сутки — и путь будетъ конченъ. Они приѣдутъ въ родной городъ, вылѣзутъ изъ вагона и, забравши всѣ свои многочисленные узлы, отправятся въ домикъ съ голубыми воротами.

Кремлевская стена въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Милосердный Самарянинъ.

Тамъ ихъ уже ждутъ. Вѣроятно, Дуняша выбилась изъ силъ, подметая и подмывая и приготавливая все къ приѣзду дорогихъ гостей. Теперь-то ей всё будутъ рассказывать о житьѣ-бытьѣ заграницей! Она будетъ единственной слушательницей во всемъ домѣ и должна будетъ выслушать всёхъ.

Спускается вечеръ, наступаетъ ночь, а поѣздъ все идетъ, да идетъ, и наконецъ раннимъ утромъ въ глубокой дали горизонта показываются знакомые колокольни и купола. Это родной городъ Наталіи Кирилловны. Она смотритъ на него изъ окна вагона и крестится на большой, пузатый куполь соборной церкви, на которомъ яркою золотою звѣздочкой играетъ солнце.

— Слава тебѣ, Господи! говорить она.—Сподобилъ Господь увидѣть опять!..

Съ каждымъ поворотомъ колеса городъ становится все виднѣе и все ближе, мелькаютъ депо, станціонныя постройки, столбы крытой платформы вокзала и наконецъ поѣздъ останавливается совсѣмъ.

Путь конченъ. Полная трепетнаго волненія, бабушка выходитъ съ дѣтьми изъ вагона и все ей кажется, что что-нибудь позабыли или потеряли въ дорогѣ, и она не знаетъ, за что взяться самой и что поручить дѣтямъ и носильщику. А затѣмъ всё садятся на извозчика и ѣдутъ. Вотъ большая грязная площадь, на которой когда-то бы-

вала ярмарка, вотъ неуклюжая, приплюснутая церковь Михаила Архангела, а вотъ уже и знакомая улица. Все на ней какъ было три мѣсяца тому назадъ, такъ осталось и теперь. Только нѣтъ снѣга и на растущихъ вдоль тротуаровъ деревьяхъ свѣженькіе блестящіе листочки. Во все горло кричатъ грачи на деревьяхъ гимназическаго сада и высоко подъ небомъ летаютъ бумажные змѣи, которые пускаютъ откуда-то мальчишки. Бѣгаютъ посреди улицы голуби и на углу, у полосатой будки, мирно дремлетъ городской. Все просто, тихо, мило и мирно и совершенно не похоже на ту бурную, кипучую жизнь, которая бьетъ ключемъ въ западно-европейскихъ городахъ. Но бабушка и Костя рады. Они не могутъ наглядѣться на родныя мѣста и готовы спрыгнуть съ извозчика и бѣжать впередъ, чтобы только поскорѣе быть дома. Катя смотритъ на все удивленными глазами, все ей кажется новымъ и страннымъ и никому даже и въ голову не приходитъ, что она родилась именно здѣсь.

— Воображаю, какъ обрадуется намъ Дуняша! говорить Костя, уже давно отъ нетерпѣнія ёрзая на козлахъ.

Но вотъ и домикъ съ голубыми воротами.

— Тпруу!.. кричитъ извозчикъ и останавливается у крыльца.

— Выбѣгаетъ Дуняша съ голы-

ми, мокрыми руками и на ходу вытираетъ ихъ о фартухъ. Какъ на грѣхъ, ожидала гостей на пять минутъ позже и чѣмъ-то занялась. Она плачетъ и слезы такъ и катятся у нея по щекамъ. Бабушка тоже плачетъ. Какія нѣжныя души у старушекъ!

— Дорогіе!.. Родненькіе!.. Голубчики мои!.. бормочетъ Дуняша и хватается то за одну вещь, то за другую. Но увидѣвъ чужую, незнакомую ей дѣвочку, она вдругъ спохватывается, бросаетъ все, и кидается къ Катѣ.

— Ангельчикъ ты мой! восклицаетъ она.— Сироточка ты моя! Красавица ты моя неописанная!..

Она быстро утираетъ передникомъ губы, обхватываетъ Катю влажными руками и начинаетъ ее безумно цѣловать.

Бабушка входитъ въ домикъ. Все въ немъ такъ чисто-чисто, все глядитъ такъ привѣтливо и ласково и каждая вещичка, какъ стояла до отъѣзда, такъ стоитъ на своемъ мѣстѣ и сейчасъ. Бабушка довольна. Наконецъ-то она опять у себя дома! Но теперь она не одна. Теперь у нея, кромѣ Кости, есть еще и Катя, которую послалъ ей Господь: ея дѣсткимъ, веселымъ говоромъ и смѣхомъ наполнится теперь весь домикъ и все въ немъ оживетъ.

Вошли, раздѣлись и прошли по всѣмъ комнатамъ. Хорошо. Наконецъ-то кончились странство-

ванія по чужимъ краямъ и можно будетъ какъ слѣдуетъ отдохнуть!

Дѣти тотчасъ-же выбѣжали на дворъ, а старушки остались вдвоемъ и не знали, о чемъ спросить другъ дружку: такъ много было кое о чемъ поговорить, да какъ-то все сразу вылетѣло изъ головы.

— Ну, вотъ мы и дома! сказала бабушка и сѣла въ любимое кресло.

— Да, слава Богу!.. отвѣтила Дуняша.— А ужъ что испытали-то въ дорогѣ, что перенесли въ горахъ... Ужъ какъ я плакала, когда читала ваше письмо!.. Спаси Царица Небесная, и помилуй!..

На столѣ уже кипѣлъ самоваръ. Какъ пріятно было видѣть его послѣ такой долгой разлуки! Какъ пріятно было глядѣть на чистую, бѣлоснѣжнуюскатерть, протянутую во весь столъ, на пышки и на калачи, которые напекла уже Дуняша, и на эти старинныя блюдечки и чашки, на которыхъ были нарисованы диковинныя птицы и цвѣты! Всѣ эти мелочи домашней жизни, всѣ эти пустячки—какъ они стали дороже и милѣе послѣ долгой разлуки!..

— Ну, надо ихъ позвать пить чай!.. сказала бабушка и отворила окошко.—Дѣти! закричала она.— Идите чай пить! Ахъ, Боже мой, онъ свернетъ себѣ сейчасъ шею!

Дуняша выглянула въ окно. Костя уже бѣгалъ по крышѣ сарая, а Катя стояла внизу, хлопала въ

ладоши и звонко смѣялась. Она была смѣшливаго десятка. Они прибѣжали съ двора оба потные, красивые, довольные тѣмъ, что можно было побѣгать и что никто ихъ не стѣснялъ, и жадно, точно голодные шакалы, принялись за ѣду. Дуняша смотрѣла на нихъ, умилялась и то и дѣло крестилась на образъ. Наѣвшись, они опять побѣжали на дворъ и еще долго было слышно, какъ смѣялась Катя: все, что дѣлалъ Костя, казалось ей талантливымъ и смѣшнымъ.

Затѣмъ начались рассказы, аханья и оханья Дуняши, возгласы удивленія, а потомъ объ женщины принялись за устройство уголка для Кати и хлопотали объ этомъ такъ, точно отъ этого зависѣло все. Развернули кровать, которую уже заранѣе купила Дуняша, покрыли ее простынькой и одѣяльцемъ, взбили подушки, и поставили ее въ бабушкиной спальнѣ въ уголку. Прошлись мимо нея нѣсколько разъ назадъ и впередъ и не могли на нее наглядѣться. Было что-то радостное, поэтическое въ этомъ присутствіи въ домѣ ребенка.

— А ужъ умница-то, умница какая!.. говорила про Катю бабушка. — Такъ все съ перваго взгляда и понимаетъ! Долго скучала по матери, вотъ только въ самое послѣднее время стала позабывать и развеселилась!..

Потомъ обѣдали, потомъ опять чай пили. — и день казался такимъ

радостнымъ и длиннымъ, точно на первый день Пасхи. Легли спать рано и когда ложились, то бабушкѣ какъ-то не вѣрилось, что у нея въ спальнѣ, всего въ какихъ нибудь двухъ шагахъ отъ нея, находится маленькое живое существо, на которое она будетъ глядѣть, когда будетъ среди ночи просыпаться и которое будетъ благословлять. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ Костя снялъ сапоги, раздѣлся и протянулся во весь свой ростъ на кровати по чистому, душистому бѣлью.

На другой день Костя надѣлъ форму, нацѣпилъ за спину ранецъ и отправился въ гимназію. Возвратился онъ весь въ мѣлу и съ продраннымъ подъ мышкой рукавомъ: оказалось, что ему такъ ободовались товарищи, что долго качали его и возили по полу на спинѣ. Когда онъ рассказывалъ, объ этомъ то Катя заливалась смѣхомъ на весь домъ и все просила его повторить. Онъ говорилъ съ инспекторомъ. Въ виду его болѣзни признано возможнымъ перевести его въ слѣдующій классъ безъ экзамена, но съ тѣмъ, чтобы онъ занимался лѣтомъ и въ августѣ отвѣтилъ на кое-какіе вопросы. Костя обрадовался. Прибѣжавъ домой, онъ наскоро поѣлъ и затѣмъ колесомъ прошелъ по гостинной. А когда полчаса спустя, бабушка зашла къ нему въ комнату, то увидала умиленную картину: по-

среди́нѣ стоялъ столъ и на немъ стоялъ на головѣ Костя и дрыгаль ногами въ воздухѣ. Это приводило Катю въ восторгъ.

— Ахъ, ты палунъ, шалунъ! ласково упрекнула его бабушка. — Какой-ты головорѣзь!

Затѣмъ потянулись дни за днями правильной, размѣренной чередой. Каждое утро Костя уходилъ въ гимназію и приходилъ только въ четвертомъ часу. Пообѣдавъ, онъ принимался за уроки и все время до вечера Катя была одна. Дуняша была занята по хозяйству, такъ какъ была и горничной, и кухаркой вмѣстѣ, а бабушка не могла замѣнить собою няню. Случалось такъ, что цѣлые дни Катя просиживала дома и не выходила на дворъ, такъ какъ ей было скучно одной играть. Это беспокоило бабушку и причиняло ея сердцу боль.

— Нѣтъ, видно придется нанять для нея няню... вздыхала она. — Безъ няни не обойтись!

И она стала подыскивать себѣ няню. Дуняша наказала въ сосѣдней лавочкѣ прикащику и своимъ знакомымъ кухаркамъ, что если найдется хорошая женщина, то пусть онѣ пришлютъ ее къ бабушкѣ. И вотъ — однажды, послѣ обѣда, когда бабушка еще отдыхала, Катя выбѣжала въ корридоръ, и увидала на порожекѣ какую-то женщину, которая ей ласково улыбнулась. Затѣмъ вышла бабушка и

обѣ онѣ о чемъ-то долго и таинственно говорили. Потомъ бабушка подвела эту женщину къ Катѣ и сказала: —

— Катюша, вотъ тебѣ новая няня!

Катя обрадовалась и бросилась къ женщинѣ. Та посмотрѣла на нее, оглядѣла ее со всѣхъ сторонъ и вдругъ стала креститься.

— И поплеть-же Господь такое сходство! проговорила она про себя. — Точь-въ-точь, какъ та Катюшка, которую я нянчила у нѣмцевъ! И эту тоже зовутъ Катей, какъ и ту!..

Катя въ свою очередь смотрѣла на няню и ей припоминалось въ ней что то далекое, былое, кто-то такой, кого она видѣла когда-то во снѣ, но позабыла, или встрѣтила гдѣ-то на пути, когда ѣздила по Европѣ. И полная недоумѣнія, она взяла няню за руку и сказала ей:

— Пойдемъ играть!

Онѣ вышли на дворъ и сѣли въ тѣни подъ березой. Новизна положенія и неловкость, испытываемая въ первое время няней и Катей, еще не сгладились и онѣ сидѣли, не знали, о чемъ заговорить, и молчали.

Вдругъ открылось окно въ бабушкиной спальнѣ и въ немъ показалась сѣдая благообразная голова бабушки.

— Няня! крикнула она старушкѣ. — Позабыла спросить... Какъ тебя зовутъ?

— Назаровна, барыня!.. крикнула ей въ отвѣтъ новая няня. — Меня зовутъ Назаровной!..

Бабушка затворила окошко и отошла въ глубину.

— У меня тоже была няня фрау-Назаровъ... сказала Катя. — У нея была такая-же пишечка на щекѣ, какъ и у тебя...

Старушка вздрогнула. Она вглядѣлась въ Катю и вдругъ вся затрепетала. Неужели-же это была она, та самая дѣвочка, которую она когда-то вынянчила на своихъ рукахъ далеко въ чужихъ краяхъ?

Въ это время хлопнуло кольцо на калиткѣ и во дворъ вошелъ Костя. Онъ возвратился изъ гимназии и сильно хотѣлъ ѣсть. Не обращая ни на кого вниманія, онъ

широкими шагами направился прямо къ черному ходу, чтобы не дожидаться лишней минуты, когда ему отпрутуть съ парадной.

Няня обернулась, увидѣла его, да такъ и онѣмѣла на мѣстѣ.

Это былъ тотъ самый мальчикъ, котораго она проводила когда-то на пароходѣ изъ нѣмецкаго городка Оберъ-Бриккау, въ Россію.

— Господи помилуй! Господи помилуй! залепетала она и стала быстро-быстро креститься. — Да въ умѣ-ли я? Да не снится-ли мнѣ все это? И что-же это я, куриная слѣпота, сижу и не могу подняться съ мѣста!

А Костя прошелъ черезъ кухню, сказалъ Дуняшѣ, что ему хочется „жрать“, и сталъ переодѣваться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Б—скій.

ВЪ МАРТѢ.

Снѣгъ растаялъ на аллеѣ
И земля въ поляхъ видна,
Стали дни длиннѣй, теплѣе,
Мартъ насталъ... Идетъ весна!

И подь звонъ великопостный
Ужъ поблѣкъ зимы нарядъ...
За моимъ окошкомъ сосны
По весеннему шумятъ...

Солнце радостнѣй смѣется,
Ручейки сбѣгають съ горъ,
И неволью сердце рвется
Вслѣдъ за ними на просторъ!

А. Н.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Когда поезда ходятъ по бумагахъ?

II.

Сколько ушей у всѣхъ китайцевъ?

III.

На какомъ основаніи нѣкоторые люди строятъ дома на тѣхъ земляхъ, которыя имъ вовсе не принадлежатъ?

IV.

Отчего люди строятъ черезъ

рѣчки мосты, а не переплываютъ прямо по водѣ?

V.

Зачѣмъ за границей строились крѣпкіе замки, а у насъ монастыри?

VI.

Если въ названіи человѣка, умѣющаго готовить кушанья, измѣнить первую букву, то получится то, чѣмъ торгуютъ въ лавкахъ. Что это?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 8, помѣщенныхъ въ № 8 «Золотого Дѣтства».

Головоломки. I. Если ударить колъ о колъ, то никакого звона не будетъ. II. На стулѣ сидѣлъ человѣкъ и держалъ на колѣняхъ окорокъ ветчины. Вбѣжала собака, схватила окорокъ и бросилась бѣжать. Тогда человѣкъ вскочилъ, схватилъ стулъ и швырнулъ его въ собаку съ окорокомъ. III. Я самъ. IV. Когда онъ идетъ вдоль поезда впередъ во время его пути. V., Крыса, письмо, товаръ=самоваръ, VI. Лиса и лѣса VII. Копыто, рыба, топоръ=корыто. VIII. По водѣ. IX. И+волга=Иволга.

Ребусъ № 8: Часть+томъ+о+розы+на+ступа+ютъ+око+л+оса+маг+омар+та=Часто мороды наступаютъ около самаго марта.

Вприняты рѣшенія прислали: Клея и Володя Алевскіе, Митя Бессарабовъ, Володя, Боря и Тамарочка Тренины, Шура Маюли, Коля Шабалкинъ, Люба Титоровъ, Вена Цфасъ, Андриша Федотовъ—донской казачекъ и его кузина Лиза Ридикюль, Оля и Жена Хлѣбниковы, Катя Головачева, Николай Миллеръ, Миша Борхсеніусъ, С. Кулеша, Вѣра Овчаренко, Ирочка и Маруся Посадскія, Нюня и Роза Шерстинскія, Надя Лапина, Д. И. Карпенко. Альфредъ и Владиміръ Зебауэръ, Котюкъ и Дмитрусь изъ Умани, Миша, Саяя, Вова и братья Бурлаковы, И. Козловъ, Шура Лавриненко, Ученицы Угловской школы, Нюня и Нина Конашинскія, Нина и Валя Свѣжинцевы, Люсикъ Криворотченко, Жена Криворотченко, Тоня Серементъ, Сося, Вася и Тая Тищенко, Вѣра, Кира, Тая, Во-

лодя и Саша Орловскіе, Дима Левандовскій, Вова Давиловъ изъ Дебальцева, Коля Клаучъ, С. Цвейфель, Надя Иванова изъ Ташкента, Серафимъ Важинскій, Володя Заксъ, Е. П. Галаганъ, Коля и Витя Дуго, Ира Жемерова, Жена Сидорова изъ Харькова, Тосенька Русакова, Дуня Манернова, Клава Хламова; Лида, Толя и Шура Галибяны, Нина Бодянская, Глѣбъ Фонь-Феттингъ, Сережа и Пава Лисенко, Боря Васильевъ-Искровъ, Валя Стыранкевичъ, Надя Зенкевичъ, Коля Захаровъ въ СПБ., Нина Кузнецова въ СПБ., Нина Маурина, Лена Петропавловская, Нина Горѣлова, Юрій Дурдинъ, Нина Шкурко, Георгій Огаревъ, Антонъ Кравчукъ, Игорь Максимовъ, Витя Соколовъ изъ с. Бобылевки, Володя Логичевъ, Коврадъ Черноцкій, „Добрая Фея“, Сатурнъ—богъ войны, Яковъ Хархардинъ, Вася Родіоновъ, Боря и Шура Тихомировы, Коля Стельмаховичъ, Павлуша, Люба, Гора и Мила Соколовы, Дзѣвановскій, Варя Наумова въ СПБ., Клава Омина, Шура Максимова, Ирочка Ширкалина, Митя, Костя, Витя и Миша Волобуевы, Сося Вдукова, Мима Тучемская, Коля Тучемскій, Жена и Баба Бончъ-Бруевичъ, Маня Ефимова, Коля Хартулари, Володя Щелукъ и Сося изъ Лиды, Нина Розенбергъ, Юля Эрдманъ, Вѣрочка—Чижикъ Матвѣева, Тая Швиндтъ, Маруся Ключкова, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Маруся и Сося Кузовкины, Зина и Анна Анашкины, Коля Ивановскій, Шура Москаленко, Нина Маурина, Нюра и Федя Молчановы, Михайль и Сара Брамсоны, Нина Маурина, Надя и Маруся Кожко, Полина Ганцовна, Валя Иванова, Игорь Бочаровъ.

Ребусъ № 10.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей!

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ — по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

можно выписывать открытымъ письмомъ
изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ 6-й.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1913 годъ**

на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← Подписной годъ съ 1-го Ноября. →

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка

„АЛИСА ВЪ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНѢ“.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣкалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.